

«ДУХ РУССКИЙ СОХРАНИЛ»

ТАЙНА УЗНИКА ПЕРМСКОГО ЗАМКА

Гладышев В.Ф.

В архивных папках канцелярии пермского губернатора сохранилась переписка, в которую оказались втянуты чиновники самых высших званий. Дело дошло до того, что некоторые головы полетели, первое лицо губернии лишился своего места...

«...Департамент полиции просит Ваше Превосходительство о скорейшем доставлении сведений на предписание МВД от 24 декабря 1834 г. за №3690 по делу об извете членов Пермской межевой конторы Прутковского и Корбелецкого об иллюминатах...» Подпись: начальник отделения барон Корф.

Через несколько месяцев в Пермь на имя гражданского губернатора (точнее «господина состоящего в его должности», поскольку прежний губернатор, Гавриил Селастеник, в 1835 году был отстранен от своих обязанностей «за нераспорядительность») из Петербурга летит следующий запрос, уже от статс-секретаря Д. Блудова. Он выражает неудовольствие медленным ходом «доследования» по делу о чиновниках, зараженных духом вольнодумства и требует безотлагательного завершения дела. Дата – 2 июня 1835 года...

Что за тревога? Почему так всполошились в столице? А суть в том, что делом малоизвестного литератора Корбелецкого интересовался сам император. В ответ на «Высочайшее внимание» и вспомнили про Корбелецкого, таинственного узника пермского тюремного замка.

И ВСЕ ВРЕМЯ ПРИНИМАЛИ НЕ ЗА ТОГО

Кем же был этот пермский узник, из-за которого взволновались первые лица государства? Уроженец Чернигова Корбелецкий Фёдор Иванович получил известность как поэт, переводчик, мемуарист, автор торжественных од «На прибытие из Москвы в Санкт-Петербург императора Павла Первого», «На победы в Италии» (о Суворове). Занимался переводами, издал книгу «Опыты пчеловодства» И.П. Фридериха.

Но более всего известен как автор «Краткого повествования о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной» (СПб, 1813).

Из формулярного (послужного) списка (на 1832 год) мы узнаем тайну происхождения нашего героя. Корбелецкий -из духовного звания. Из благоприобретённого имения имел «Нежинского повета деревянный дом с хозяйственным заведением земли до 120 десятин и при нём писанных по последней ревизии мужского пола дворовых людей 2 души».

Обучался в Черниговской духовной семинарии латинской грамматике, поэзии, риторике, философии, арифметике и географии, немецкому языку. В 1794 году выпущен «философии студентом». Потом обучался в С.Петербургской учительской семинарии арифметике, геометрии, тригонометрии плоской и сферической, архитектуре, механике, географии, рисованию и немецкому языку. Аттестат выдан в 1796 году.

Затем Федор Корбелецкий служил и учителем (недолго, не тот характер), и землемером. В Нижегородской губернии, куда привела его судьба, показал себя дельным, рачительным человеком, за что был награжден бриллиантовым перстнем. В конце концов «за выслугу лет» к 1816 году заработал звание надворного советника. Литературное творчество не оставлял никогда.

Он служил в Департаменте государственных имуществ Министерства финансов в Петербурге. Как раз накануне Бородинского сражения, 19 августа 1812 года, его командировали в Москву и Калугу «для устранения замешательств в управлении финансами», в связи с приближением французской армии к Москве. Под Можайском он попадает в плен.

Его доставляют в главную квартиру Наполеона, где и удерживают «при наполеоновской свите под крепчайшим караулом». И с этого часа жизнь скромного чиновника перевернулась раз и навсегда. Цепь странных недоразумений, случайных совпадений... В итоге бедного Федора Ивановича все время принимают не за того, кто он есть на самом деле.

ТОЛМАЧ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

А началось все с проклятого француза.

Дело в том, что после допроса французы почему-то возомнили себе, что захватили крупную птицу, значительное лицо, обладающего ценной информацией. Как пишет сам Корбелецкий, они «берегли меня, как кажется, в той смеха достойной надежде, что они от меня, точно как от действительного секретаря Министерства, воспользуются нужными им, достаточными сведениями в отношении внутренней отечества нашей политики».

Три недели он находился при самом Наполеоне, который распорядился оставить пленного в качестве переводчика и проводника по Москве. Ему приказали сопровождать императора в его «экскурсиях» по древней русской столице.

Корбелецкий мог, наверное, отказаться, проявить героизм, но... Любопытство возобладало. Кроме того, он чувствует себя разведчиком, глазами и ушами русской армии. Он запоминает все ценные сведения, чтобы передать своим.

А свои приняли его за изменника... И повод для подозрительности, согласимся, присутствовал.

Дело в том, что Корбелецкому удалось внушить доверие французам - настолько, что ему выдали пропуск для свободного хождения по городу. Высказывалась точка зрения, что благодаря этому он благополучно бежал из Москвы. На самом деле все вышло еще оригинальней. Когда Корбелецкого освободили из-под стражи, он получил пропуск, в котором говорилось, что он исполнял обязанности проводника при Императоре Наполеоне и что теперь он отпущен «за неимением в нем надобности». Корбелецкий и еще один пленный, лекарь, получили в награду сторублевую ассигнацию (!) Но эту награду Федор Иванович с презрением сжег, в присутствии московских жителей.

«У СМЕРТИ ПОД КОСОЙ, У ГРОБУ НА КРАЮ»

Но, увы... свои знаменитые мемуары Корбелецкий писал уже в каземате Шлиссельбургской крепости. Его заключили в тюрьму по подозрению в измене Отечеству. Видимо, очень хорошо он сыграл свою роль при Наполеоне Бонапарте. Слишком хорошо, так что ввел в заблуждение своих..

Для него, всегда патриотично настроенного, арест был ударом. Он стал писать свои записки, в надежде объясниться хотя бы с потомками. Эпиграф к своему произведению предпослал такой:

Любя Отечество и предан был царю,
Я в страхе, в холоде, при жажде и средь хладу,
У смерти под косою, у гробу на краю
Дух русский сохранил – и сердце пьет отраду.

Помимо этого, бывший наполеоновский проводник стремился принести русским войскам и конкретную пользу. В письме Ф.И. Корбелецкого от 6 февраля 1814 года к атаману М.И. Платову он предлагает объявить своего рода во всероссийский розыск ... Наполеона. И обосновывает это так: «для истребления от лица земли ненавистного всему роду человеческому властелина Франции...» К письму Федор Иванович приложил 50 экземпляров портретов Наполеона, им самим нарисованных - для опознания его передовыми частями войск.

ПОРТРЕТ «ПРОКЛЯТОГО ФРАНЦУЗА»

В мемуарах Корбелецкого портрет императора-завоевателя создан такой:

«Наполеон, при среднем росте, имеет лицо большое, грозное; короткошей, плечист и корпусом ровен. Цвет лица его оливковый, волосы на голове чёрные, лоб наклонный или навислой, глаза малые, но быстрые, щёки плоские, нос длинный и прямой, с малой, едва приметной горбинкой, губы маленькие прижатые, борода (здесь имеется ввиду: подбородок – ред.) выдававшаяся вперёд и довольно кверху поднятая. Он имеет вид важный, говорит тихо и мало, и всегда, как приметно было, погружён в размышления... Исключая случай при входе в Москву, Наполеона поразивший, он всегда сохранял постоянное хладнокровие и величавость».

Тонкий психологизм портрета, созданного Корбелецким, дополняет описание потрясенного и даже изумленного состояния Наполеона, когда он узнаёт, что в Москве нет ни русской армии, ни жителей.

«... Таковая нечаянная весть, казалось, поразила Наполеона, как громовым ударом. Он приведен был ею в чрезвычайное изумление, мгновенно произведшее в нём некоторый род исступления или забвения самого себя. Равные и покойные шаги его в ту же минуту переменяются на скорые и беспорядочные. Он оглядывается в разные стороны, оправляется, останавливается, трясётся, цепенеет, щиплет себя за нос, снимает с руки перчатку и опять надевает, выдёргивает из кармана платок, мнёт его в руках и, как бы ошибочно кладёт в другой карман; потом снова вынимает и снова кладёт; далее, сдёрнув опять с руки перчатку, надевает оную торопливо и повторяет тоже несколько раз, короче сказать: он представлял тогда человека беснующегося или мучимого жестокими конвульсиями, что продолжалось битый час; и во всё то время окружавшие его генералы стояли перед ним неподвижно, как бездушные истуканы, и ни один из них не смел пошевелиться...»

В августе 1814 года Федора Ивановича освободили. Оправдан Сенатом - полностью и бесповоротно! Как лицо, «привлечённое по одному подозрению». Его восстановили в чине коллежского асессора и должности. Известно, что в 1816 году он служил простым чиновником в С-Петербурге, и даже был произведен в надворные советники.

Но тихая жизнь – это не для нашего Федора Ивановича! Из столицы он попадает в Пермскую губернию, и, судя по всему, не по своей воле. В 1818 году Корбелецкий вышел по болезни в отставку, а в 1819 году оказался в Кунгуре в должности второго члена Пермской межевой конторы. В марте 1833 года Корбелецкий «от должности за противозаконные дерзкие и буйные поступки удалён с преданием суду и содержанием в тюремном замке».

О странной этой личности писал в свое время пермский краевед Дмитрий Красноперов. Он считает, что все дело - в тяжелом, вспыльчивом характере писателя: «...Тяжкие угнетения» (фраза из его собственной жалобы – В.Г.) Корбелецкого по службе, видимо, спровоцировали его ответные действия, квалифицированные, как «дерзкие и буйные». Корбелецкий даже крепко побил своего начальника (?). Поэтому дело это тянулось четыре года и оборвалось в связи со смертью подследственного».

Однако такая точка зрения не выглядит очень доказательной и четкой, особенно в части убийства (якобы) Корбелецким своего начальника. Как выясняется из архивного дела, Федор Иванович больше пострадал от извета, то есть, доноса, клеветнического измышления.

ПЕРМЬ – ГОРОД МАСОНСКИЙ

По другим сведениям, он сам «переехал в Пермь». Так считают составители сборника «Русские мемуары» В.В. Кунин и И.И. Подольская. Тем самым сохраняется подоплека, на которую намекали биографы Корбелецкого: якобы, он оказался в Перми как член тайной масонской ложи иллюминатов.

Надо сказать, Пермь еще с конца 18-века слыла масонским городом, со времени создания здесь пермским прокурором И.И. Панаевым «Ложы Золотого ключа». Иллюминатство – так называлось одно из масонских обществ, основанное еще в 1776 г. в баварском городе Ингольштадте профессором канонического права Вейгауптом. Известный богослов С.В. Булгаков в издании 1912 года писал об этом обществе, что возникло оно на общих началах мистического учения о внутреннем просвещении человека свыше (illuminatio) и, подобно другим масонским обществам, первоначально имевшее филантропические цели. Со временем, однако, члены тайного общества стали стремиться к влиянию на политические дела в Европе. Общество «вступило в сношения с иезуитами и, усвоив их начала, заводило повсюду политические интриги и потому, естественно, скоро возбудило против себя сильные преследования».

В каких отношениях с масонами был Федор Иванович, точно никому неизвестно. Однако именно благодаря Корбелецкому в Пермской губернии заварилась такая каша, которую долго не могли расхлебать ни в Перми, ни тем более в Петербурге. Из дела, хранящегося в Пермском краевом архиве, можно сделать вывод, что Корбелецкий обнаружил в Кунгуре «упрямых вольнодумцев, не подчиняющихся ни начальству своему, ни губернскому». По его мнению, это «в полном духе иллюминаты»! Документ интересно называется: «Дело по отношению Министерства Внутренних дел об извете членов Пермской межевой конторы Корбелецкого и Прутковского на членов этой конторы, заражённых духом вольнодумства».

Однако спустя некоторое время коллега Прутковский, который поначалу выступал с ним заодно, резко переменяет свое мнение, и между двумя авторами «извета» наступил разлад, начались взаимные обвинения и подозрения...

Исследователь Георгий Ляпишев, занимающийся биографией писателя, считает, что масоном Корбелецкий не был и по своим убеждениям не мог им быть. Он пишет: «С молодых лет

(см. его оды, в том числе и на смерть Александра I, поднесенная Николаю I) он был монархистом, патриотом и государственником. В начале своей службы в Перми он совместно со своим начальником Прутковским искореняли «вольнодумство» у своих подчиненных. В 1831 г. они преследовали землемера Кудрявцева, у которого были найдены страницы списка комедии Грибоедова «Горе от ума», а позже написали извет (донос).

В дальнейшем отношения Корбелецкого и Прутковского окончательно испортились, поскольку характер у Корбелецкого, видимо, был крутой, и он не стеснялся защищать свои убеждения и с помощью рукоприкладства. Это и привело в конце концов к тюремному заключению. В 1834 году пермский губернский прокурор Иконников сообщает министру юстиции Дашкову, что на этих чиновников имеются дела: на Прутковского – в лихоимстве, на Корбелецкого – «в беспорядках, сделанных им при должности». (Ф.297, оп.1, д. 696). Местное следствие, однако, велось ни шатко ни валко. Из Кунгура слали ответы, что участники дела, видите ли, выбыли. Форменная отписка, не более. Но это объяснение транслировали наверх, в столицу.

«ПЬЮ ГОРЬКУЮ ЧАШУ»

Император Александр I масонов не жаловал (в отличие от своего отца), особым указом он повелел «тайные общества под какими бы наименованиями они не существовали, как-то масонских лож или другими, закрыть и учреждение их впредь не позволять». В то время подобными тайными обществами в просвещенном русском обществе, в высшем свет увлекались многие. Был момент, когда даже Пушкин, прозревший и многое предвидевший, предупреждал своего друга в письме: «Прощай, мой друг, и не вздумай затесаться в эти тайные общества, или как их там – в мартинисты, розенкрейцеры...»

Возможно, тень подозрений пала и на скандалиста-писателя, занесенного судьбой в Пермскую губернию. О его личной жизни тоже нельзя сообщить ничего утешительного. Женат был на дочери губернского секретаря Марковой Матроне Ивановой, но детей они не имели. Имена за женою никакого не числилось. Жили в бедности, поэтому и носило писателя по всей стране.

В примечаниях к его послужному списку (его прислал мне Георгий Ляпишев), есть еще такие записи, заслуживающие нашего внимания:

«...Имеет бронзовую медаль за пожертвования 1812 года».

«...В походах и в сражениях против неприятеля не был; но в 1812 году по служению в Департаменте Государственных имуществ, послан будучи от г. Министра финансов Гурьева по важнейшим казённым поручениям в Москву и в Калугу, был французами после Бородинского сражения, именно 30 августа, захвачен в плен и находился в оном по 27-е сентября того же года». Таким образом, основная жизненная канва подтверждается документально. А что было в реальности, как все происходило...

Дошли до нас и горькие слова, написанные пермским узником. Федор Корбелецкий: «...Пью горькую чашу тяжких угнетений». Чашу сию он испил до конца, унеся тайну предназначения своей авантюрной жизни в могилу. Корбелецкий умер в год гибели Пушкина, 21 октября 1837 года, на 62-м году жизни. Тело скромного литератора, наполеоновского проводника и отчаянного бузотера было вывезено из тюремного замка через речку Стикс, отделяющую город от общего (Егошихинского) кладбища, и похоронено на тюремном участке у крутого лога.

Объясниться с потомками ему так до конца и не удалось.